

**Барон Д.О. Тизенгаузен —
последний губернатор Якутской области**
(забытые имена)

*«Не судите, и не будете судимы;
не осуждайте и не будете осуждены;
прощайте, и прощены будете».*
(Лука 6,37)

... 2 марта 1917 года император Николай II отрёкся от российского престола и власть перешла к, образованному эсерами, Временному правительству во главе с председателем Совета министров Г.Е. Львовым.
(сообщения из газет)

Те, кому довелось присутствовать тем роковым днём, 2 марта 1917 года в вагоне царского поезда, стоящего в Пскове, едва ли догадывались, что дата отречения Николая II от престола не только завершала собой период очередного царствования, но и отверзла врата новому миру, страшному и беспощадному. В его кровавом водовороте, уничтожившем династию, правящую на протяжении трёх веков, суждено было исчезнуть всем жизненным устоям, сложившимся за тысячелетнюю историю России и в омуте братоубийственной гражданской войны погибнуть миллионам жизней...

(историк Э. Радзинский)

г. Якутск, 2 марта 1917 года.

На письменный стол и.о. губернатора Якутской области, статского советника, барона Д.О. Тизенгаузена поступило официальное телеграфное сообщение из Иркутска о Февральской революции в Петрограде, отречении императора Николая 2-го от престола и образовании Временного правительства до созыва Всероссийского Учредительного Собрания.

От этого известия потомок ливонской рыцарской ветви Эрла испытал не просто шок, а глубокое потрясение...

В ночь на 3 марта по улицам г. Якутска полицией были расклеены объявления о запрещении всяких собраний и сборищ и о необходимости сохранения верности царскому строю.

4 марта, утром на стихийном народном митинге в Якутске был из-

бран Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) из представителей различных сословий, политических партий и общественных организаций. Новый орган власти обратился к народу с заявлением, что он является единственным представителем Временного правительства до выборов в Учредительное собрание.

Ночью с 4 на 5 марта делегация ЯКОБ, в основном эсеры, во главе с председателем, большевиком Г.И. Петровским, явилась на совещание чиновников царской власти и в ультимативной форме потребовала от и.о. губернатора Д.О. Тизенгаузена передачи власти ЯКОБ и предупредила, что в случае отказа они будут арестованы.

5 марта на народное городское собрание граждан прибыли и.о. губернатора барон Д. Тизенгаузен и полицмейстер г. Якутска, заместитель атамана Якутского казачьего полка, численностью 350 сабель, подесаул И.А. Рубцов и заявили: **«что во избежание кровопролития передают власть ЯКОБ».**

Начальник военного гарнизона г. Якутска полковник Попов Николай Дмитрианович (1873-1944) (сын священника Дмитриана Дмитриевича Попова) и делегация солдат и офицеров тоже заявили о согласовании своих действий с новой властью.

На общем собрании командир гарнизона сказал по-военному, кратко и чётко: *«мы солдаты и офицеры остаёмся верны присяге, воинскому долгу и призваны защищать Российское государство от внешних врагов, но не воевать со своим народом...»*

11 марта 1917 г. вышло постановление Временного правительства «Об упразднении департамента полиции». В связи с этим ЯКОБ объявил об амнистии всех уголовных ссыльнопоселенцев.

В Якутске были выпущены «под честное слово» даже рецидивисты. Уровень преступности резко возрос.

В марте – апреле 1917 г. по Якутску прошла волна краж. Люди боялись вечером выходить на улицы. Вновь созданная милиция, не обеспеченная подготовленными кадрами, была бессильна что-либо сделать против творящегося беспредела.

(А.А. Калашников. «Якутия. Хроника, факты, события: 1917-1953 г.»)

Меня всегда интересовала история дореволюционной Якутии и её замечательных граждан, оставивших неизгладимый и добрый след в людской памяти.

В 2000 году в Национальном архиве РС(Я) я разыскал ряд документов о выдающемся якутском губернаторе И.И. Крафте, о последнем полиц-

мейстере г. Якутска И.А. Рубцове, отличавшийся необычайной честностью, скромностью, высочайшим профессионализмом, своей неподкупностью и которого большевики расстреляли в 1919 году.

У заместителя атамана Якутского казачьего полка Рубцова Ильи Александровича (1876 г.р.) осталась вдова **Серафима**, дочь поверенного в делах купцов Громовых олёкминского купца Василия Константиновича Киренского и двое сыновей: **Иннокентий (1901 г.р.)** и **Виктор (1906 г.р.)**.

О бароне Д.О. Тизенгаузене в архиве было всего несколько документов в том числе и его неполный послужной список:

Дмитрий Орестович Тизенгаузен, барон, потомственный дворянин, русский. православный, родился в Санкт-Петербурге 13 марта 1872 года (по старому стилю).

5 лет учился в элитном петербургском Павловском кадетском корпусе и 6 лет в престижном Михайловском артиллерийском училище. Далее военная служба. После отставки окончил в 1897 г. Императорский Санкт-Петербургский университет, физико-математический факультет. Затем продолжил образование во Франции.

После возвращения в Россию был непременным членом псковского губернского присутствия (10.03. 1910 – 28.05. 1912 г.)

С 28 мая 1912 г. был назначен Оренбургским вице-губернатором.

С 5 августа 1914 г по 5 января 1916 г. был Вятским вице-губернатором. После чего переведён вице-губернатором в Якутскую область. Курировал экономические и финансовые вопросы.

В декабре 1916 г. последовал указ императора Николая II о переводе его вице-губернатором в Томскую губернию, однако в связи с увольнением по болезни в январе 1917 года якутского губернатора Р.Э. Витте, Тизенгаузен был оставлен временно исполняющим должность якутского губернатора.

5 марта 1917 г. якутский губернатор Д. Тизенгаузен был вынужден сложить полномочия, передать власть ЯКОБ и выехал с семьёй из Якутска в Санкт-Петербург.

Больше о нем в якутском архиве не было никаких сведений.

В 2002 году после выхода на пенсию наша семья переехала из Якутска в Санкт-Петербург, где я продолжил свои изыскания в Российском Государственном историческом архиве и получил допуск в библиотеку Российской Академии наук, в которой хранятся древние акты и книги по истории развития Российского государства.

Здесь мне посчастливилось найти важные документы о жизни и службе якутского губернатора И.И. Крафта и о месте его захоронения в

1914 г. в с. Никандрово Новгородской губернии.

По инициативе Постпредства РС(Я) в Санкт-Петербурге и помощи мэрии г. Якутска, 15 декабря 2009 года в с. Никандрово был установлен памятник почётному гражданину г. Якутска, губернатору Якутской области **Иван Ивановичу Крафту**.

... Судьба барона Д.О. Тизенгаузена продолжала меня волновать.

В архивах и музеях Санкт-Петербурга я пытался найти о нем хоть какие-либо сведения, тем более в истории Российского государства фамилия Тизенгаузен довольно известная.

В конце концов мне удалось кое-что узнать об этой рыцарской династии и о трагической жизни Д.О. Тизенгаузена и его семьи.

Тизенгаузен (нем. Tiesenhausen) — древний немецко-балтийский графский и баронский род.

Энгельберт Тизенгаузен (впервые упоминается в 1338 г) — **рыцарь**, владелец Эрлы и Кокенгузена, богатейший вассал рижского архиепископа.

17 августа 1342 года посещал папский двор в Авиньоне.

Барон Тизенгаузен, Иван Андреевич (1745-1789), обер-гофмейстер императрицы Екатерины II, действительный тайный советник. (1799 г.)

Граф Тизенгаузен Фердинанд (Фёдор) (1782-1805) — подполковник, флигель-адъютант императора Александра I, убит в бою 1805 г.

Похоронен в Домской церкви г. Таллина.

Герой Аустерлица, Фердинанд Иванович послужил для Л.Н. Толстого прототипом князя Андрея Волконского. Современники называли его личностью легендарной, человеком отчаянной храбрости, которого уважали не только штабные офицеры, но и солдаты. И именно о нём Наполеон, свидетель его гибели в бою со знаменем в руках, сказал эти слова: «*Вот прекрасная смерть!*» — как признание мужества и доблести противника.

У Фёдора Тизенгаузена осталась его вдова Елизавета Михайловна Голенищева-Кутузова — дочь фельдмаршала Кутузова и две дочери: Дарья и Екатерина.

Одна дочь, графиня *Дарья Фёдоровна Фикельмон* (1804-1863) — известная как **Долли Фикельмон**, хозяйка петербургского светского салона и автор дневника, содержащего подробности дуэли и смерти Пушкина, была замужем за австрийским послом в России Шарлем Луи Фикельмоном.

Другая дочь, графиня *Тизенгаузен, Екатерина Фёдоровна* (1803-1888) — была камер-фрейлиной при трёх императрицах; кавалерственная дама ордена Св. Екатерины.

Была очень дружна с женой Николая I, императрицей Александрой Фёдоровной у которой было семеро детей.

Вот что пишет в своём дневнике императрица Александра Фёдоровна: *«Графиня, камер-фрейлина (1833 г.) проживала в Зимнем дворце. Это было доброе существо с невинными претензиями на роль умной женщины... Няня Тизенгаузен очень хорошо умеет ходить за (царскими) детьми, любит их, умеет с ними говорить, мягка, терпелива, аккуратна и усердна. На неё можно положиться, что так редко при дворе».*

Баронесса Эрнестина Алина Тизенгаузен (1938 г.р.) вышла замуж за барона Алберта Энгельгардта (1809-1869) из древнего рода швейцарских баронов.

Элизабет Аполлония, **баронесса Бистром**, урождённая Энгельгардт, дочь канцлера Карла-Готгарда фон Бистрома вышла замуж за генерал-лейтенанта, флигель-адъютанта императора Николая Первого **Георгия Александровича Тимрота**, племянник которого, Александр Александрович Тимрот был женат на дочери Иркутского золотопромышленника Екатерине Михайловне Трапезниковой.

Якутский губернатор **Дмитрий Орестович Тизенгаузен, статский советник, племянник Н.А. Римского-Корсакова**. происходил из баронского рода Тизенгаузен: отец — барон Эрнст (Орест) Константинович Тизенгаузен (1821-1881) окончил в Петербурге Павловский кадетский корпус и дослужился до чина генерал-майора, находясь на службе в Главном управлении путей сообщения.

Был женат на **Елене Николаевне Пургольд**.

В своём имении Торма (в 100 км. от Санкт-Петербурга) организовал образцовое сельское хозяйство.

Имел семерых сыновей.

Младшая сестра матери — Надежда Николаевна Пургольд была замужем за композитором Н.А. Римским-Корсаковым.

В 1899 году барон Дмитрий Орестович Тизенгаузен был повенчан с Зинаидой Петровной Вейнер (1877 г.р.). Отец её Пётр Петрович был действительным тайным советником и умер в 1904 году. Родители невесты долго не соглашались на этот брак и всё наводили справки о происхождении жениха и об его состоянии, но после долгих уговоров, наконец всё-таки благословили.

«По рассказам Зинаиды Петровны, свадьба была великолепной, а после было свадебное путешествие в Венецию» — сообщает её родственница, петербурженка Анастасия Темникова, прадедушка которой был родным братом Дмитрия Орестовича.

По возвращении молодожёны проживали в Петербурге на улице Чайковского в доме, часть которого была свадебным приданным Зинаиды Петровны. Также пребывали в родовом имении Тизенгаузен **Торма** под Ямбургом (Кингисепп).

Всё, что происходило в личной жизни Д.О. Тизенгаузена после большевистского переворота, представляет типичную картину краха российской аристократии.

В сущности, люди подобные Тизенгаузену, были обречены. Но в то же время многие, кто оставался на родине в момент её катастрофы, сохраняли надежду на скорое прекращение хаоса и безумных преследований.

Возвратившись после революции с семьёй из Якутска в родной Петербург (тогда уже Петроград), в котором вместе со старым режимом исчезли даже внешние признаки бывшего благополучия столицы, Дмитрий Орестович, перешёл на положение простого обывателя; перебивался случайными заработками, некоторое время работал в химической лаборатории, занимался воспитанием и домашним образованием своих детей, которых в семье было уже пятеро: **Елена (1900-1942), Андрей (1901-1996), Эрнест (1905-1937), Алексей (1909-1970), Владимир (1912-1941).**

В августе 1919 года, в разгар гражданской войны, ему пришлось вновь выехать в Сибирь. Причиной для столь рискованного путешествия в охваченный пожаром регион, как сообщал позднее арестованный чекистами Дмитрий Орестович, стала семейная проблема. Незадолго до свержения власти большевиков в Сибири жена Тизенгаузена, Зинаида Петровна выехала в Тобольск, чтобы навестить заболевшую мать.

Вскоре, однако, власть большевиков в Сибири пала, образовался Восточный фронт, и связь с женой была потеряна. В надежде разыскать пропавшую супругу Дмитрий Орестович выехал в Тобольск. Прибыв на место, он обнаружил, что жена вместе с другими беженцами отправились дальше на восток, и барон выехал в Омск., где наконец-то отыскал свою любимую.

Таким образом, он оказался в самой гуще происходивших событий в Сибири. Как бывший государственный сановник, имеющий определённый опыт и авторитет и не замешанный к тому же в связях с большевиками, он стал получать разные предложения от местных «правительств».

Осенью 1919 г. Омское правительство назначило его уполномоченным по урегулированию конфликтов между военными властями и населением в район Оренбургской армии. Но в этой должности Дмитрий

Орестович не пробыл и одного дня, так как внезапно началось отступление колчаковской армии на восток.

Вместе с частью эвакуированных войск Д. Тизенгаузен попал в Монголию, в зону контроля армии барона Унгерна. Стремясь привлечь Дмитрия Орестовича к сотрудничеству, Унгерн стал предлагать ему должность и финансовую поддержку. В своих показаниях на следствии в ЧК Дмитрий Орестович писал: *«Его симпатии ко мне были вызваны исключительно моей фамилией. Я лично с ним никаких дел не имел и избегал с ним всякого общения, сохраняя всё же хорошие отношения, чтобы этим быть полезным гражданам в случае, когда им грозит какая-либо опасность. Но все его предложения относительно занятия какого-либо поста у него, на субсидирование меня деньгами я категорически отказывался, находя несоответствующим моим взглядам и достоинству службу у Унгерна».*

Эти «хорошие отношения» позволили Д. Тизенгаузену спасти несколько семей еврейских беженцев: А. Мариупольского, доктора Гауэра, Барановского, Лаврова, Витте и некоторых других пленников белого генерала Унгерна.

16 сентября 1921 года в Угре Тизенгаузен был арестован чекистами 35-й красной дивизии и доставлен в Иркутск вместе с пятью другими задержанными беженцами. Спустя два с половиной месяца 9 декабря 1921 года коллегия Губчека под председательством М. Бермана вынесла приговорили его к **расстрелу** по нескольким пунктам обвинения: *«содействие Унгерну в укреплении власти в Монголии, нелегальный переход полосы военных действий в 1919 году на сторону Колчака, переход при ликвидации Колчака в Китай и Монголию».*

... Но исполнение приговора получило отсрочку. В конце сентября 1922 г. «дело Тизенгаузена» было передано из Иркутска в Новониколаевский губревтребунал (Новосибирск) для дополнительного рассмотрения. Кроме того, активные меры для своего спасения принял и сам барон Тизенгаузен. Этот умный и мужественный человек, находясь в камере смертников, обратился за поддержкой к нескольким видным коммунистам- бывшим политическим ссыльным, с которыми у него в период пребывания в Якутске сложились вполне доброжелательные отношения. В трибунал вскоре поступило несколько показаний-ходатайств от влиятельных большевиков — **Поплавко, Киселёва, Ем. Ярославского.** Но самым важным и располагающим к обвиняемому было обращение Председателя ЦИК Украины **Г.И. Петровского**, бывшего председателя ЯКОБ в Якутии в 1917 году.

Архивная справка:

Петровский Григорий Иванович родился 23 января 1878 г в с. Печенеги Волчанского уезда Харьковской губернии в семье портного и прачки. Проучился два с половиной года в школе при Харьковской духовной семинарии.

С 11 лет работал в мостовых мастерских железной дороги, в 15 лет поступил на Брянский металлургический завод в Екатеринославле.

В 1897 г. примкнул к Екатеринославскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», с 1898 г. член РСДРП.

В 1912 г. токарь мариупольского завода «Русский Провиданс» Петровский избран депутатом 1V Государственной Думы Российской империи.

В ноябре 1914 г. арестован и в феврале 1915 г. осуждён к лишению всех прав состояния и высылке на вечное поселение в Туруханский край, в 1916 г переведён в Якутск, где проживал на ул. Полицейской (ныне ул. Ярославского, доме № 32/2).

Освобождён после Февральской революции 1917 г.

4 марта 1917 г. избран председателем ЯКОБ в Якутской области.

Выехал из Якутии и направлен партией в Донбасс.

Возглавлял народный комиссариат внутренних дел РСФСР (1917-1918), стал одним из создателей ВЧК и рабоче-крестьянской милиции, являлся председателем Всеукраинского революционного комитета (1919-1920), одновременно Всеукраинского ЦИК (1919-1938) и ЦИК СССР (1922-1938). Кандидат в члены Политбюро ЦК (1926-1939).

В 1939 году подвергался критике за попустительство «врагам народа» из числа руководителей Украинской ССР. **Был снят со всех постов и лишён работы.**

Лишь в 1940 году его взяли на работу заместителем директора по хозяйственной части в Музей Революции. В этом ему помогли старые большевики, не согласные с политикой репрессий Сталина.

После смерти Сталина Петровский вновь стал принимать участие в общественной деятельности. Был почётным гостем XX съезда КПСС.

Г.И Петровский умер в 1958 г., похоронен в Москве на Красной площади у Кремлёвской стены.

Семья:

Первая жена: Доминика Фёдоровна.

Дети: *Леонид Петровский* (1897-1941) — советский военачальник, генерал-лейтенант, перед Великой Отечественной войной исключён из партии. Командуя корпусом погиб в бою. Дочь — Ольга.

Пётр Петровский (1899-1941) советский партийный и государственный деятель, расстрелян НКВД. Сын — Леонид.

Антонина Петровская (Загер) (1905-1968) — вышла замуж за Юрия Коцюбинского (репрессирован в 1937 г) Сын — Олег Коцюбинский (1923-1980), доктор технических наук. Вторично вышла замуж за партийного работника Саломона Акимовича Загера (репрессирован в 1937 г). Дочь — Ирина Загер.

Вторая жена Петровского Г.И. — Александра Михайловна Слиткова.

... Учитывая эти обстоятельства, особенно ходатайство Г.И. Петровского, губернский суд (он заменил упразднённый трибунал) 17 июля 1923 г принял решение о прекращении преследования Д.О. Тизенгаузена.

С декабря 1923 года, после освобождения из двухлетнего заключения, Тизенгаузен поселился в Новониколаевске (Новосибирск) на ул. Московской, доме №29, где ему было предоставлено место заведующего канцелярией Южно-Алтайского мельничного предприятия, а затем консультанта по финансово-экономическим вопросам в окраине.

В 1923 г. Новосибирск к нему приехала его верная жена с детьми, готовая разделить с ним все тяготы жизни.

... В середине 1920-х годов по воле судьбы значительная группа представителей старой российской интеллигенции, включая также Д.О. Тизенгаузена, оказалась в Новосибирске. Несмотря на различие в происхождении, взглядах, профессий и прочих личных качеств, жизнь и карьера каждого из этих «бывших» приобрела теперь заурядные формы, свойственные большинству городских обывателей.

К некоторым из них была проявлена благосклонность, советская власть предоставила им возможность служить в государственных учреждениях, полагая, что их образование и профессиональный опыт могут быть полезны для «дела социалистического строительства». Вполне естественно, что через некоторое время эти люди смогли найти друг друга и организовались как местное «общество» с постоянными встречами «узким кругом» и творческим времяпровождением.

«Общество» состояло в основном из бывших дворян, кадровых военных, чиновников и профессоров, состоявших на советской службе или имевших частную практику.

Регулярные собрания, которые обычно проходили по субботам на квартире врача Натальи Александровны Щукиной, посещали бывший

генерал, военный профессор В.Г. Болдырев, барон Д.О. Тизенгаузен, профессор Н.А. Збаровский, бывший сотрудник Приморского правительства Н.Б. Колюбакин, граф А.Д. Апраксин, князь С.П. Волконский, офицер П.В. Бражников и некоторые другие.

«Сначала — чай, потом кто-нибудь пел, играл на скрипке или пианино; иногда читали вслух произведения Шишкова», — писал в своих показаниях П.В. Бражников, арестованный ОГПУ.

Некоторые встречи и беседы скрашивались приглашениями заезжих артистов «общим застольем с традиционными для таких встреч разговорами на политические темы».

Ещё одним занятием встречавшихся, было чтение рассказов постоянного участника «общества» барона Д.О. Тизенгаузена. По долгу службы Дмитрий Орестович довольно часто выезжал в отдалённые районы Сибирского края и как опытный наблюдатель фиксировал многие любопытные явления и факты из жизни «новой Сибири». Имея определённые литературные способности, он записывал свои наблюдения в форме небольших рассказов, а затем прочитывал их своим друзьям по вечерам. Вскоре, однако, путевые заметки оказались в руках ОГПУ, и барон вместе с друзьями очутился за решёткой. **Именно эти рассказы, попавшие в поле зрения ОГПУ, стали основной причиной для обвинения участников встреч в «антисоветской деятельности и организации антисоветской группы».**

Записки барона Д. Тизенгаузена, хранящиеся в архиве ФСБ Новосибирской области, представляют собой редкую и интересную архивную находку. Они дают богатую информацию для оценки советской действительности 20-х годов в сибирской глубинке. Детальная передача особенностей быта, поведения, языка и настроения крестьян придаёт запискам Тизенгаузена значение ценного мемуарного источника.

Из уцелевших и дошедших до нашего времени «Записок Тизенгаузена», ниже публикуем лишь несколько ярких рассказов, запечатлевших картину быта и нравов сибирской деревни при переходе её от традиционного уклада к советскому устройству.

... 15 июля 1927 года в Новосибирске Д.О. Тизенгаузен был вновь арестован. При обыске обнаружено: *разная переписка и 2 экземпляра анализа экономического обзора Новониколаевской губернии.*

В Новосибирском архиве имеется **Постановление о предъявлении ему обвинения 1927 г, июня 18 дня:**

«Я, уполномоченный КРО ПП ОГПУ по Сибкраю Шульдадь, рассмотрел следственное производство по делу № 1228.

С первой половины 1926 года, по инициативе практикующей в г. Ново-

сибирские женщины-врача гр. Шукиной образовалась группа из числа бывших видных работников царского строя и антисоветски настроенного слоя интеллигенции. Означенная группировка, имея своей целью объединение враждебного существующему социальному порядку элемента, маскировала свою сущность систематически устраиваемыми упомянутой выше гр. Шукиной по субботам «вечерами». Характер этих «вечеров», прикрытый обычным угощением, выпивкой, концертными номерами по существу являлся определённо антисоветским; подвергались злостной тенденциозной критике мероприятия и деятельность Соввласти, читались литературные произведения участников группировки явно контр-революционного содержания, обсуждались текущие политические события в плоскости ожидаемого скорого и несомненного падения Власти Советов, открыто восхвалялась преступная деятельность зарубежных монархических организаций и их руководителей, выражалось сочувствие предполагаемому вооружённому нападению на СССР иностранных держав и готовность оказать им в том всемерное содействие.

К числу активных членов группировки принадлежит житель гор. Новосибирска гр. Тизенгаузен Дмитрий Орестович, лично принимавший участие во всех описанных выше фактах преступной деятельности таковой.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 128 УПК постановил: привлечь гр. Тизенгаузена Д.О. в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по признакам ст. 58-5 УК.

Уполномоченный (Шульдаля)»

Коллегией ОГПУ по делу № 1228 ему был вынесен приговор: **«трём годам ссылки в Сибирь. По отбытии срока наказания Д.О. Тизенгаузена лишить права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д»**

В архиве Новосибирской области сохранились два его заявления на имя следователя Шульдаля.

29 июня 1927 года он пишет: «Прошу Вас вызвать меня сегодня для дачи показаний по моему делу. Д. Тизенгаузен. Камера №3».

И второе заявление, от 11 июля того же года, тому же Шульдалю: «12 июля исполнится 4 недели со дня моего ареста. Не имея никакого занятия, дела или работы, прошу Вашего разрешения иметь в заключении акварельные краски и необходимые принадлежности к ним (кисти, угольки, резинку и пр.) Д. Тизенгаузен 11. 07. 1927 г.».

Этот странный, но сильный духом человек, одарённый не только литературными, но и художественными способностями, в

совершенстве владевший итальянским, английским и французским языками, стоящий на краю пропасти, и уже 10 лет не принадлежащий самому себе, а людям в красных погонах, которые по своему усмотрению и взглядам распорядились его судьбой — он даже в тюрьме всё ещё не потерял вкуса к жизни...

В документах архива не указано, получил ли он краски, кисти и угольки и имел ли возможность скрасить живописью своё пребывание в камере №3. И об это мы, видимо, не узнаем уже никогда...

В ссылку Дмитрий Орестович Тизенгаузен был направлен в Красноярск. Здесь он работал экономистом-плановиком в краевой конторе «Главконсерв».

В это непростое время к нему в Красноярск приезжает его жена с детьми.

12.11.1929 года РСО ПП ОГПУ сообщает, что «административно-ссылный Д.О. Тизенгаузен от ссылки освобождён и выбыл к избранному месту жительства г. Канск.»

В июне 1937 г. Д.О. Тизенгаузена арестовали в последний раз...

Уже в октябре 1937 г. тройка УНКВД по Красноярскому краю во второй раз вынесла ему смертный приговор (дело №4435).

26 октября в 24 часа 1937 г. Д.О. Тизенгаузен был расстрелян.

В этот же день в Красноярске (дело №04801) был казнён и его 35-летний **сын Эрнест (Орест) Дмитриевич Тизенгаузен**, уроженец г. Кингисеппа Ленинградской области, одарённый музыкант-пианист, имевший, как и его отец, литературные способности. До ареста работал в Красноярске заведующим физико-математическим отделом в институте повышения квалификации.

Место их погребения в документах не указано.

Вечная им память!

Репрессиям подверглась вся семья Дмитрия Орестовича.

Его жена, **баронесса Зинаида Петровна Тизенгаузен** (1877 г.р.), тоже арестовывалась в 1919 и в 1927 гг. По сообщению той же Анастасии Темниковой, её допрашивал сам Дзержинский.

... Её дважды выводили на расстрел. Но не расстреляли и даже почему-то вовсе отпустили. Всё её имущество было реквизировано и, прожив немного в Петрограде, эта мужественная, красивая и стройная дама с совершенно седыми волосами с маленькими детьми, Алексеем и Вла-

димиром, спасая их от голода, одна отправилась в Среднюю Азию в г. Самарканд.

После Самарканда они вернулись в Россию и поселились в Твери (тогда г. Калинин), где Зинаида Петровна преподавала в университете на кафедре иностранных языков, поскольку владела несколькими европейскими языками.

В 1923 году она приехала с семьёй в Новосибирск, к месту ссылки мужа.

В конце жизни, после смерти «вождя всех народов» в 1953 году Зинаида Петровна уехала в г. Волжский, где тогда проживал её сын Алексей.

Баронесса З.П. Тизенгаузен прожила тяжёлую, трагическую жизнь и умерла в 1968 году на 91 году, пережив расстрел мужа и смерть троих детей...

Светлая ей память!

... Драматично сложилась судьба старшей дочери Дмитрия Орестовича, **Елены (Мясниковой)**, которая была замужем. Она и её сын Пётр погибли в Ленинграде в блокаду 41-го года, причём Елена умерла от голода, а Пётр — при попытке эвакуироваться на барже по Ладожскому озеру.

... До берега беззащитная баржа, переполненная женщинами с детьми, не доплыла, так как была атакована немецким бомбардировщиком.

Биография второго сына Дмитрия Орестовича также трагична.

Владимир Дмитриевич Тизенгаузен, 1912 года рождения, учился на физматфакультете Екатеринбургского университета три года. Потом его отчислили из-за «плохого происхождения». Он также не смог окончить Литературный институт имени Горького, где тоже проучился три года — но это уже из-за войны.

Нет, он не воевал. Его просто арестовали в сентябре 1941 года по приказу Сталина, (в связи с высылкой немцев, а он числился таковым по паспорту и по фамилии матери) переправили в Самару, оттуда в г. Куйбышев, где он был **расстрелян в декабре 1941 года** без предъявления обвинений.

Нелёгкой была судьба ещё одного сына Тизенгаузена — **Алексея Дмитриевича**. Из-за «дворянского происхождения» на работу его не брали. И он вынужден был подрабатывать, давая уроки танцев.

В 1937 году он женился на Анне Семёновне Краснополиной, и у них рождается дочь Наталья.

Алексея Дмитриевича Тизенгаузена арестовывали несколько раз.

В очередной раз в 1940 г. его отправили на поселение в Нижний Тагил, куда к нему в 1945 году приехала его жена.

Здесь в Нижнем Тагиле у них родился сын Владимир. После освобождения семья уезжает в Калининград, где рождается дочь Елена.

И тут он вновь арестован и отправлен в лагерь на строительство Волжской ГЭС. (г. Волжский Волгоградской области).

В 1953 году, после смерти Сталина, заключённых амнистировали и выпустили на свободу, но Алексей Дмитриевич так и остался с семьёй жить в г. Волжском, куда приехала в последние годы жизни и его мать. Умер в 1970 году.

Более удачно сложилась судьба другого сына барона — **Андрея Дмитриевича Тизенгаузена**, и походила она на приключенческий роман.

Совсем юным он служил кадетом в армии Врангеля в Крыму, и в 1918 году попал с остатками армии в Грецию, откуда с помощью родственников отца сумел перебраться в Бельгию, где закончил университет в Брюсселе с золотой медалью по специальности «энергетик». Поступил на работу в компанию по управлению гидростанциями в Конго, проработал на одном месте 30 лет и в 1966 году вышел на пенсию.

В конце жизни Андрей Дмитриевич Тизенгаузен не раз бывал в СССР и в постперестроечной России. Умер в Париже в 1996 году.

Его дочь Елена Андреевна замужем за русским Куприяновым, живёт в Париже, мать троих дочерей.

Несколько братьев Дмитрия Орестовича Тизенгаузена эмигрировали из России в 1919-1920 гг. Потомки их ныне живут в Англии, Германии, Франции.

Уважаемые земляки! Вашему вниманию предлагаются **«Записки барона Д.О. Тизенгаузена»**, написанные талантливым человеком, отразившим реальную действительность того непростого времени и которые послужили обвинением для последнего губернатора Якутской области **«в антисоветской контрреволюционной деятельности»** и поводом для его расстрела...

А ведь этот неординарный и умный человек 5 марта 1917 года взял на себя огромную ответственность за судьбу якутских граждан — без крови передал власть ЯКОБу, тем самым практически предотвратил начало гражданской войны в Якутии...

Мы должны знать подлинную историю своего государства, какой бы не приглядной она ни была, для того, чтобы впредь не повторять страшных ошибок предыдущих поколений и обязаны вывести из забвения имена выдающихся граждан нашей Якутии, к которым несомненно относится последний губернатор Якутской области **Дмитрий Орестович Тизенгаузен**.

Он это право заслужил своей короткой, но яркой жизнью!

Н.Н. Габышев, краевед.
Санкт-Петербург. 2019 г.

Использованные материалы:

- Сайт Новосибирского и Красноярского архивов.
- Литературно-художественный альманах «Голоса Сибири», выпуск второй: С. Папков «Красная Сибирь глазами дворянина»
- А. Темникова. «Древо с могучими корнями (памяти Д.О. Тизенгаузена)».

Записки барона Тизенгаузена

День Парижской Коммуны

18-го марта, в день «парижской коммуны», я был в большом селе, центре района. Так как работа была у меня срочная, то договорился со служащими и председателем РИКа работать в этот день с утра, а вечером праздновать. Главной причиной не останавливать начатую работу послужила надвигающаяся распутица, которая могла меня отрезать от других районов, куда я должен был ехать. Все это понимали, а потому с охотой согласились работать 18 марта. Приступили с утра к работе, но не прошло и двух часов, как местком пришёл и снял всех с работы. «Сегодня великий день, а потому всякий трудящийся должен веселиться и праздновать», — говорил он. Служащие стали робко возражать, я также пытался доказывать значение и срочность бюджетной работы, указывал на опасность передвижения в распутицу. Но местком был неумолим. Чувствуя, что далее пойдут разговоры на «контрреволюционные» темы, я смирился и мы разошлись.

Выходя из райисполкома, я столкнулся с крестьянами, приехавшими издалека в РИК по делам и недоумевавшими, почему у дверей РИКа вывешен двухсаженный красный флаг.

— А пошто энто-то висит? — спрашивали они меня, указывая на флаг. Я объяснил, что сегодня праздник «парижской коммуны».

— Да нам-то что? Пуцай коммуна и празднует, а мы — христиане! Ишь ведь, дело-то како! 30 вёрст по эфтакой дороге прокатили и занаслину! Чаво же таперича делать-то? Индо ждать что ли здесь и к Сидорычу пойтить, индо ехать домой? — говорили они, почёсывая затылки. — Ну и коммуна, прости Господи!

Я посоветовал не гонять по такой дороге лишней раз лошадей и переночевать у Сидорыча. К сожалению, мой совет пришёлся по вкусу, так

как у Сидорыча, по словам мужиков, беспременно должна быть самогонка, что к «маслянке» он наварил 30 вёдер.

— Так вот оно что! — говорил рыжий мужичонка, — Таперича, знамо дело, опять загуляем до понеделничка! (Была пятница). Чем мы хуже? И мы справим ихнюю коммунию, спаси Боже!

Я пошёл на квартиру, где ночевал. Там сынишка ямщика, парнишка лет 15-16-ти, только что вернулся из школы крестьянской молодёжи, где слушал доклад о парижской коммуне. Я стал расспрашивать его, о чём и что говорили? Не знаю, докладчик ли был плох, или мой парнишка мало понял, но только из всего, что он слышал, у него сложилось впечатление, что Марат и Робеспьер — всё равно что Ленин; разница в том, что тех затёрли попы и буржуи, а Ленина не смогли одолеть. На мой вопрос, где находится Париж, парнишка решительно и смело ответил, что точно сказать не может, но знает, что Париж — в России, около Крыма, где французы и англичане живут. Парнишка окончил школу II-ой ступени и теперь готовится стать сельским агрономом.

Никаких шествий и процессий в этот день я не видал, но знаю, что в трёх школах, в избе-читальне, в народном доме и в различных кружках были лекции и доклады на ту же тему. Присутствовали только дети и подростки. Крестьяне работали, как всегда, и конечно, думали, что их дети обучаются в школе наукам и грамоте, как в обычный школьный день.

Около шести часов вечера по домам начали ходить комсомольцы, приглашая обязательно посетить вечером кино-передвижку. Стоимость билета — 10–20 копеек. Картина назвалась «Халтурин». Одна баба упорно отстаивала свои законные права – ухода за больным ребёнком; но радушные комсомольцы всё же настойчиво требовали посещения кино, доказывая, что звать «жизнь Халтурина» должен всякий сознательный крестьянин. Хозяин сидел на лавке, слушал и тупо молчал. Наконец, он не вытерпел и твёрдым глухим голосом сказал:

— Ступайте-ка, молодчики, подобру-поздорову! Отвяжитесь! Чаво понужаете! Без вас знаем чаво нам надоть!

«Молодчики» сразу, без возражений, удалились, но из сеней слышны были угрозы:

— «Записать его! Третий раз отказывается, сволочь! Контрреволюция проклятая! Сообщить в ячейку, там тебе покажут такую картину, что не рад будешь!

А в избе в это время под крик больного младенца баба ругала своего мужика за то, что тот не заплатил 20 копеек:

— Ты про дядю Исая забыл, дурья твоя голова? Он тоже всё не ходил, не ходил, а потом засадили его за кражу лошади. А какой он конокрад,

хромый, еле ноги волочил и к лошади-то подойти боялся? Уж ты заплати, касатик, 20-то копеек, а там и не ходи; Митьку пошли!

— Врёшь, дура! И так налогов много! Нешто слыхано энто дело, штоб в киантру заставляли ходить? Я сегодня в церкву пойду, свечку справлю за Ильюшино здоровье! 40 копеек отдам, чтобы Господь его сохранил, да избавил нас, грешных, от киантров и комсомольцев! Спаси и помилуй! А ты: «отдай 20 копеек»! — Не отдам! Слышь ты, не отдам! Хоть зарежь - не отдам!

Голос захрипел, слезы душили его...

На другой день после «Халтурина» шла картина «Камергер его Величества». Утром, проходя в школу, я встретил мальчишек, которые выпрашивали копеек, чтобы набрать гривенник на кино.

22/III-1926 г.
с. Ужаниха.

Выборы в деревне

Немало времени отнимают у крестьян выборы. Конечно, выборы дело хорошее; отчего не выбирать? Но выбирать ежегодно, ежемесячно, еженедельно, хотя и приятно, но, к сожалению, доступно немногим, пожалуй, только бездельникам, а крестьянину, занятому работой, добыванием себе пропитания — недосуг!

— Пущай себе выбирают, коли делать-то им нечего, мы им не препятствуем, ихняя коммуны воля! Только нас-то уволь, оставь нас в покое, — говорил мне один степенный, средних лет мужик, — не мешай нам работать, да баб наших по выборам не таскай.

— Это что, выборы, — говорил другой, менее степенный, нервный крестьянин. — Ну ладно, выбрали им кого они просили, думаем отвяжутся! Так нет же, давай ещё перевыборы делать. Ну для че, спрошу я тебя? Ведь мы согласны были на ихнее, нам-то ведь всё едино кто из них будет править в сельсовете, да в РИКе; знаем, что пользы нам всё едино никакой не будет! Понимаем и мы тоже, что платить им надо-ть, без эфтого не обойтись, потому ихняя власть. А кому из них платить — нам всё единственно, видим ведь, что голытьба, голоштанники и работать не могут, а жрать-то надо-ть! Оставь ты только нас-то в покое, дай ты нам работать, не мешай нам! Так нет же, мало им эфтого, песьи дети, лодыри, на перевыборы, да опять на выборы гонят! И куды только, касатик ты мой, выбирать не заставляют, прости Господи! И в сполкомы, и в советы, и в комитеты, и в комиссии, и в секции каки-то, и в потребилию, и в кооперацию, да при школе, да при больнице, да при агрономии каки-

то советы. И куды только не выбирали, сказать-то даже совестно, миру так и ту даже выбрали. Не знаем сами и не понимаем, куды этто такое множество народу-то выбирать? Что за польза от эттого выходит? По-нашему так только мешают работать учителям да дохтурам; они, сердешные, мечатся, мечатся и не знают кому надо-ть угождать, кому подчиняться — начальству аль приставленным к ним? Просто одна прокламация выходит! И жалко-то этто, и смешно!

— Да, плоха наша жисть стала, — говорил первый мужик. — Ранее что? Один раз в три года выбирали в волость старшину, да судей, да сельского. Так ведь не все же и шли на выборы, а малая только часть и знали кого выбирали, никто не приказывал, никто не указывал, никто не гонял, сами шли доброхотно. Выбирали кого хотели! И ведь, милый ты мой, сраму-то не было, баб не таскали, да и парнишки не гуторили, не смели, молчали! Ведь подумать-то даже непристойно, а не то что слышать да видеть! Баба мне указчик? Да парнишка 17-ти лет?! Тьфу, ты, прости Господи, срам-то какой, касатик, подумай сам!.. А и то сказать, что они смыслят? Баба? Так она при своём деле — голова, при доме, при детях. А на выборах-то, что ей делать? Жалко даже совестно смотреть на неё!

И он стал сетовать на то, что баба и сама отлично понимает это и стыдится сама себя, но ничего не поделаешь, силой гонят. Недавно, рассказывал он, на перевыборах в сельсовет и комитет взаимопомощи пришли в избу и пригрозили бабе, что, если она не пойдёт, арестуют её. Обиднее же всего ему показалось то, что арестом грозили комсомольцы, самые пьющие, что ни наесть парни изо всей деревни, которые и пахать-то не умеют, а не то что другое что-либо делать.

Дорогой тоже мне рассказывал ямщик, что у них в деревне один бобыль согласился за два ведра самогона в десять комиссий поступить. Ну и выбрали его. Служит исправно, на каждое заседание ходит. Только после трёх месяцев запросил ещё два ведра.

— Не могу, — говорит, — силушки моей боле не хватат, уж очень зазорно этто — дохтура и агрономию научать: совесть и у меня ведь есть, — говорит, — хоть какой ни на есть я бобыль, а тоже понимаю: не обесудьте, православные, прибавьте два ведра, авось совесть-то мою и залю.

И что же вы думаете? Положили мужички к Пасхе дать ему ещё два ведра; жалко стало, да и самим дороже станет, как по комиссиям начнут таскать. Ямщик уверял меня, что после этих выборов коммуна от них отстала и даже считает их, мужичков, вполне сознательными и надёжными.

Вот ещё тоже интересный случай.

В деревню прислали «ликвидатора» неграмотности для взрослых. Приехал парнишка лет 18-ти, комсомолец, конечно. Стал обходить дворы и приглашать учиться грамоте. Дело было осенью, досуг кое у кого был. Человек 20 стали ходить, думая научиться читать да писать. «Ликвидатор» тот час же приступил к занятиям. Начал читать лекции о Ленине, Марксе, о религии, да про то как надо пахать да сеять. Мужички походили-походили с неделю — да и порешили сделать выборы кому ходить к «ликвидатору», потому [что] стыдно даже стало за парнишку.

— Этто нас-то, — говорят, — учить как пахать? Да и в церкву не ходить?! Ишь ты, вострый какой! Нет, брат, врёшь, ты спервоначалу научись работать, да семью накорми, а уж потом языком-то и лапочи! Пакосник этакий выискался. В церкву не ходи!! Да понимаешь ли ты сам-то, что мелешь? Чёртов сын, комсомолия проклятая! «Треплеплёт», вот кто ты! Прости господи».

И выбрали со всего села 12 человек самых захудалых, лодырей да пьяниц, и назначили им по два раза в неделю три месяца ходить и слушать «ликвидатора».

— Пушай, — говорят, — походят; может, исправятся да опосля работать зачнут; а нет, так мы их ещё в советы да в комиссию выберем.

Вот ведь до чего озлились! Выбранные струсил и стали посещать «ликвидатора»; ни одного дня не пропускали. Мне потом в райисполкоме председатель, разговорившись, хвастал, указывая на этот ликпункт, что посещаемость образцовая, усердие огромное и успехи большие. Полагает на будущий год увеличить число ликпунктов и в других деревнях, потому, говорит, польза большая, и мужики сами просят: открой, да открой!

Да! Вот это выборы были! Это от себя, от всего сердца, без всякого принуждения! И овцы целы, и волки сыты!

Мудрён и остроумен, как я погляжу, русский мужичок. Мало ещё его знают. Крепко он держится за свои права, за свою самостоятельность! Трудно его обойти. Пожалуй, чего доброго, и большевички не выдержат экзамена, срежутся?

Поживём – увидим.

24/III – 26 г.
с. Ужаниха

Сельский бюджет (сценка)

— Митька, слышал?

— Чаво слышал?

— Чаво, чаво, дурья голова, Бюджель приехал.

— Какой Бюджель? Кто таков? Для чё?

— А я почём знаю, сказывали, что приехал, а кто таков будет — не знаю; а только сказывали нам будто седой, надо полагать — старый. Да вон глянь, кажись идёт кто-то с председателем в сельсовет, должно быть ён?

— Ён и есть, мотри, мотри-ка, старый и есть, — а только высокий да тонкий. Ишь ты, Бюджель какой! А я так думаю, Сашка, что ён не смахивает на коммунию.

— Пойдем-ка глянем поближе чего будет-то. Да пойдём, чего оперся-то, не укусит!

Пошли... Дорогой к ним присоединилось несколько парней, мужики, бабы с ребятишками... Народу набралось много. Часть вошла в сельсовет, часть осталась на улице, в том числе и Митька с Сашкой.

— Скажи ты мне, миляга, по каким таким делам и откуда Бюджель приехал и что ему надоть у нас? — спрашивал корявый мужичонка в лаптях вышедшего из сельсовета Прохорыча.

— Откуль? Вестимо, из Новосибирска, только это не он Бюджель. Он говорит, что Бюджель он с собой привёз по распоряжению губернского начальника. Не знаю, зачем не хочет его показать, а только всё хвастит, что пользия от его будет большая! Послушаем, чего там лопочут, да попросим нам показать его.

В это время подъехал к сельсовету представитель РИКа. Прохорыч, Сашка, Митька и другие мужички обступили его и стали расспрашивать кто это такой приехал и по каким причинам хвастает, а не хочет показать Бюджеля.

— Сам сказывал, что привез, а только, говорит, опосля увидаете. Уж не обманщик ли какой из цирка?.. В прошлом году тоже приезжал такой, наобещал всякого: и хвокусов и штуков разных, даже «глас вопиющего в пустыне» обещал показать, а не то что Бюджеля, и деньги уперед взял, а на деле вышел один обман: глупости какие-то достал, да из шапки трёх пташек выпустил, а они опять ему в шапку прилетели. С тем и уехал. Эка невидаль! У нас голубев не только что в шапку, а и в губу загнать сколько хочешь можно, хоть 30 штук... Уж ты не допусти до обмана, упреди мужичков, чтобы деньги заранее не отдавали, а то опять ни с чем останутся!

— Что вы такое мелете, товарищи?! Это из Новосибирского ОкрФО приехали помогать строить бюджеты: нынче и вас в сельсовете будет свой самостоятельный бюджет. Сами будете его строить и сами будете вести своё хозяйство.

— А пошто тебя-то отмахнули от постройки? Ведь ты, кажись, всё

ладно справлял — ишь какую школу-то поставил! Иль может проштрафился? Лишнее хватил? Небось был бы партельный, так не смахнули бы.

— Что за глупости! Я вам говорю, что теперь вводят самостоятельный сельский бюджет для вашего сельсовета. В этом году у нас в волости бюджет только один, в вашем сельсовете, а в будущем году [будет] во всех сельсоветах района.

— Так значит правда, что ён привёз Бюджель для нас? А почему тогда не хочет показать? А неуж-то ты думаешь, что ён к будущему году может набрать столько Бюджелей, чтобы на все сельсоветы хватило? Тут, брат, что-то не так! Этого быть не может. Где же ему найти столько Бюджелей? Ведь поди не одна наша волость в губернии! Пойдём-ка к ему, да поспрашаем, а то ты верно что-то путаешь, хоть и грамотный человек.

Председатель, Прохорыч и несколько мужиков пошли в сельсовет. Там инструктор разливался соловьём и, оканчивая пояснения о сельском бюджете, доказывал пользу и необходимость его для деревни. Прохорыч сразу же обратился с вопросом:

— Ты, ваше благородие, господин-товарищ, всё расхваливаешь Бюджель, а показать его не хочешь, ты, миляга, покажи его нам, пусть он сам с нами поговорит, мы тогда и увидим — гожд ён для нашего хозяйства, али не гожд. Да скажи из каких местностей его привёз?

— Я не понимаю про кого вы, товарищи, говорите? Кого вам показать? — отвечал приезжий.

— Как кого? Да вестимо, того самого кого к нам привёз; звать мы его знаем, как, люди говорили, что ты же прозывал его Бюджель, а только имени его им не сказывал. Чего же ты прячешь? Привёз — так и показывай! Али может издёвку над нами хочешь делать, так мы до этого не допустим. Энто в прошлом году поддались как хвокусник приезжал да посадил нас на пять целкачей, а ноне не поддадимся, не выпустим тебя пока в точности не покажешь нам эфто самый Бюджель. А денег, так и знай заранее, не заплатим. Как всё покажешь нам как следует, так деньги и получай, а заранее — ни в жисть, и не проси, ни единственной копеечки не дадим, хоть лопни.

— Что за вздор, товарищи, вы говорите! Я приехал к вам по распоряжению начальства, чтобы пояснить вам о том, что с 1 октября вы будете иметь свой собственный бюджет, то есть составите смету ваших расходов и доходов и будете вести сами своё сельсоветское хозяйство по этим сметам. Это и есть бюджет. Ранее РИК отпускал вам деньги на школу, на содержание сельсовета, а теперь вы сами, на ваши же деньги будете содержать необходимые вам учреждения.

— Вон оно что! Вона куда загибаешь, а мы совсем не про энто-то думали! Ну коли так, так скажи-ка нам: все наши денежки, что платим,

пойдут нам, либо только малая толика? Али может ты налоги хочешь увеличить? Так мы те прямо скажем, коли ещё налогов наддадут, так никакого твоего бюджета нам не надоть! Нипочём не надоть! Вот что! А почему, скажи нам, при нашем председателе, вот ён тут стоит, почему ты нам приказываешь свой бюджет держать, а не другим деревням? Али мы в чем проштрафились? Так вот сам председатель может доказать, что мы исправно, кажись, все повинности плотим, недоимок за нами — самая малая часть и никаких грубостей коммуни не делаем: что коммуни приказывает — тому и подчинялись и выбирали завсегда кого они приказывали, на собранья таскались исправно, и против них никогда ничего на собраниях не высказывали. А что промеж себя когда толковали, так эфто что говорить, иногда бывало; только ведь и то сказать: батюшку-царя, бывало, и то ругали, что бога гневить, а не то что какую-то коммунию лягавую. А и то вам сказать, ваше благородие, господин-товарищ, что если тебе про нас люди что сказывали, то не верь, — это по злобству. Вот и сам председатель может подтвердить, даже спроси его!

— Что вы, что вы такое, граждане, говорите? Никто на вас не жаловался, никаких налогов новых на вас не накладывают, а для вашей же пользы, для вашего же удобства хотят, чтобы вы сами распорядились вашим же сельсоветским хозяйством, а не РИК! — говорил инструктор.

— Вон оно что, вона куды повернул! А всё же мы те вот что скажем: наш председатель, кажись, ни в чем не виноват. Это ты про его думаешь и хочешь отстранить занасралину. Хозяйство ён вёл исправно, вон, гляди, какую школу выкатил; мы им довольны и будем просить разрешение у коммуни выбрать его и на следующий год, потому человек обходительный, хозяйственный, не партельный. Коли хошь, мы и бумагу подадим, а ты за нас похлопочи, чтоб дозволили его выбрать, потому всем известно, человек ён старательный и нашу линию гнёт, а не коммунискую. А что на счёт постройки школы, — то немного хапнули, так это не ён, а член РИКа. Нам это всё в точности известно. Так ты уж сделай милость, оставь наш бюджет при ём, а то занасралину человека обижать хочешь. Так-то, господин-товарищ, будет лучше и спокойнее, да и обиды никому не будет — ни нам, ни председателю.

— Да что вы, граждане, — заговорил председатель. — Какая мне обида? Никакой обиды нет! Вам же польза от вашего бюджета, вам же лучше будет, коли вы сами будете справлять ваше хозяйство!

— Ой, не хитри, Егор Иваныч. Ты не хуже нас понимаешь в чем дело, ведь ты крестьянин. Только вот что мы те скажем: бюджет эфто к нам назначили потому, что ты боишься, что налоги платить не станем; что

много недоимки ноне будет — так это неправильно. Платить мы не отказываемся и по силе возможности всё уплотим, а коли, как ты говоришь, нам пользия будет, так мы никакой пользии в эфтом бюджеле не видим, а только одна волокня для нас. Коли бы дозволили школу содержать, да обучить как следует по-нашему, по-христиански, так это было бы дело. А то ведь, сам знаешь, что до этого не допустят, а будут учить по-своему, по коммуньски! Значит, нам править своей школой никак нельзя. Так пусть они и бюджет свой держат сами, при волости, а нам его не надо! Для эфтого председателя, да членов выбираем, да наши денежки им плотим, чтобы они с коммунией дело вели, да коммунию до нас не допускали! А то что же выйдет? Нам же самим и с коммунией путаться придётся, как бюджет у нас свой будет, а и тебя ещё и членов содержи, да денежки плати! Нет, брат, — энто не подойдёт! Пущай его благородие, господин-товарищ, начальству энто всё и скажет, да попросит, чтобы от нас бюджет эфтой отмахнули, потому и без его расходов много. Мы и так все приказанья сполна [выполняем] и никогда не кочевряжимся, завсегда повинuemся начальству, потому понимаем, что без начальства никак невозможно, и денежки начальству нужны. А что касается до бюджета, так ты им скажи, что мужику бюджет не подходит и увези ты его, сделай такую божескую милость, обратно в Новосибирск и отдай его коммунии, пущай она его хошь держит у себя, али по-прежнему — в «районной волости».

с. Каргат
25/VII-1926 г.